

Пинковский Виталий Иванович

**"ОДА НА СМЕРТЬ Ж.-Б. РУССО" Ж.-Ж. ЛЕФРАНА ДЕ ПОМПИНЬЯНА В КОНТЕКСТЕ
ЖАНРОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА**

В статье рассматривается "Ода на смерть Ж.-Б. Руссо" Ж.-Ж. Лефрана де Помпильяна в связи с вызреванием во французской поэзии XVIII века более камерного, чем одического, лиризма, трансформирующего канонический жанр оды (в частности, философской), а также в связи с отношениями внутри литературной среды. Автор оды, несмотря на неизменное причисление его к поэтам "второго ряда", предстаёт как предтеча важнейшего поворота в развитии французской поэзии – к более индивидуализированному лирическому творчеству, подготавливающему романтическую эпоху.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 145-148. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

22. *Psichologija Tau*. 2001. № 3.
23. *Psichologija Tau*. 2005. № 1.
24. Rimkūnas A. Slėpiningas bakterijų pasaulis. Vilnius: Mokslas, 1983. 48 c.
25. Sviderskienė Z. Žvaigždynai. Vilnius: Mokslas, 1983. 221 c.
26. Šablevičius B. Miško paukščiai. Kaunas: Lututė, 1999. 47 c.
27. Šablevičius B. Sfinksai. Kaunas: Lututė, 2004. 48 c.
28. Šablevičius B. Vabalai. Kaunas: Lututė, 2001. 48 c.
29. Šablevičius B. Varliagyviai ir ropliai. Kaunas: Lututė, 1999. 36 c.
30. Tamošiūnas V. Leukozės ir virusai. Vilnius: Mokslas, 1982. 45 c.
31. Trainys K. Kasdieniškas gamtos stebuklas. Vilnius: Mokslas, 1981. 17 c.

METAPHORIZATION PECULIARITIES IN THE LITHUANIAN POPULAR SCIENCE TEXTS

Petrenene Ona, Ph. D. in Philology
Lithuanian University of Educational Sciences
ona.petreniene@leu.lt

In the popular science text one can find certain metaphors models (the universal methods of metaphorical transfer), revealing the common tendency of popularized knowledge conceptualization and verbalization. The author considers the most productive areas of popular science texts metaphorical comprehension, prepared by the Lithuanian authors: “**Man**” and “**Nature**”, and comes to the conclusion that anthropomorphism dominates in popular science texts, and the model of the metaphor “**Nature**” is peripheral.

Key words and phrases: anthropomorphism; metaphor; metaphorical comprehension; metaphors models; popular science text.

УДК 82-1.-9

Филологические науки

В статье рассматривается «Ода на смерть Ж.-Б. Руссо» Ж.-Ж. Лэфрана де Помпийяна в связи с взрыванием во французской поэзии XVIII века более камерного, чем одического, лиризма, трансформирующего канонический жанр оды (в частности, философской), а также в связи с отношениями внутри литературной среды. Автор оды, несмотря на неизменное причисление его к поэтам «второго ряда», предстаёт как предтеча важнейшего поворота в развитии французской поэзии – к более индивидуализированному лирическому творчеству, подготавливавшему романтическую эпоху.

Ключевые слова и фразы: эпоха Просвещения; философская ода; индивидуализированный лиризм; гармоничное соединение мысли и чувства.

Пинковский Виталий Иванович, д. филол. н.
Северо-Восточный государственный университет
alennart@mail.ru

«ОДА НА СМЕРТЬ Ж.-Б. РУССО» Ж.-Ж. ЛЕФРАНА ДЕ ПОМПИЬЯНА В КОНТЕКСТЕ ЖАНРОВЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА[©]

*Статья написана в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ
(регистрационный № НИР – 6.2609.2011).*

В истории литературы есть произведения, эстетическим достоинствам которых давно дана высокая оценка, и в то же время недооценённые в их историко-литературной значимости. К таким произведениям относится «Ода на смерть Ж.-Б. Руссо» (1741 г.) Ж.-Ж. Лэфрана де Помпийяна (1709-1784). (Известна ироничная фраза Ш.-О. Сент-Бёва: «Лучшая ода, которой мы обязаны Ж.-Б. Руссо, есть, может быть, та, что написана на его смерть Лэфраном...» [7, р. 141]). Цель настоящей работы – рассмотреть знаменитую оду в контексте процессов, происходивших во французской поэзии XVIII века.

«Век Разума» не был плодovit на хорошие оды: пиндарическая ода представляла собой проникнутое искусственным пафосом восхваление (монарха, иного важного лица, батальной победы), анакреонтическая ода была отгеснена на поэтическую обочину «лёгкой» любовной элегией, образцы которой даёт творчество А. де Бертена и раннего Э. Парни, «философская» ода, восходящая к Горацию, сбивалась на отвлечённое морализаторство или на иллюстрирование тривиальных истин. Однако именно к философской оде было привлечено особенное внимание поэтов и критиков эпохи.

Ж.-Б.-М. Жанс (1755-1840), член парижского Академического научного общества (Société académique des Sciences), опубликовал в 1801 г. лекцию о философской оде с приложением собственной оды в этом

жанре. Работа Жанса содержит пересказ общих мест поэтики философской оды, выработанных XVIII веком. Именно эти устоявшиеся идеи и представляют для нас основной интерес – в том числе тем, что они собраны в одном месте и создают системный взгляд на явление.

Автор справедливо полагает, что философия, будь то практическая или отвлечённая, сколь бы ни была она ловко оформлена языковыми средствами, не годится для поэзии, если она только резонирует или опирается лишь на чувство [4, р. 8]. Декларируя неприятие односторонности философской оды, типологию «высокой оды» в целом Жанс строит, тем не менее, исключительно на чувственной основе – по разновидностям пафоса: «Бурное чувство доминирует в оде героической, называемой также пиндарической. Экспансивным чувством отличается ода моральная. Глубокое чувство характеризует философскую оду. Возвышенное чувство достойно священной оды» [Ibidem, р. 11]. Цель философской оды, по Жансу, заключается в следующем: «Внушать друзьям знания и литературы с помощью поэзии, очищенной истинной философией (*érugée par une saine philosophie*), чувства, которые возвышают до источника, искомого их духом» [Ibidem, р. 13].

Идея разума, неотделимого от чувства, несколькими десятилетиями ранее была высказана М.-П.-Г. де Шабаноном (1730-1792) в поэтическом рассуждении с примечательным названием «Об участии поэзии в сей философский век» (1764 г.):

*L'esprit est curieux, il se laisse engager
Dans un ordre de faits que l'Art sçait menager...* [1, р. 16].

(Разум любопытен, его влечёт проникнуть в порядок вещей, который постигнуть способно Искусство).

Таким образом, в теоретических и поэтических раздумьях о философской оде обнаруживается парадоксальная мысль: этому жанру недостаёт не интеллектуальной, а чувственной составляющей. «Оды на смерть...» традиционно совмещали в себе две стороны – траурный панегирик и размышления о человеческом уделе. Вторая сторона числилась по разряду «философской поэзии». Заслуга Ж.-Ж. Лефрана де Помпиньяна заключается в том, что он сумел органично соединить формальные, неизбежно холодные элементы официальной оды с выражением искреннего чувства. Рассмотрим наиболее важные части знаменитого произведения.

Первые две строфы оды представляют собой дань жанровой условности: традиционное, когда речь идёт о поэте, упоминание Фракии – родины Орфея; образ льва, проливающего слёзы горя во фракийской пещере; восклицание «Франция потеряла своего Орфея!»; обращение к музам с призывом достойно почтить поэта – всё это могло содержаться в траурной оде, посвящённой любому стихотворцу.

Но неподдельная горечь последующих строф вызвана драматической судьбой Ж.-Б. Руссо, осуждённого на изгнание из пределов Франции и умершего на чужбине (виновность Руссо в написании оскорбительных для общественной нравственности и религии стихов не была установлена твёрдо, Руссо до последних дней жизни отрицал своё авторство):

*D'une brillante et triste vie
Rousseau quitte aujourd'hui les fers,
Et loin du ciel de sa patrie
La mort termine ses revers.
D'où ses maux ont-ils pris leur source?
Quelles épines dans sa course
Etouffaient les fleurs sous ses pas!
Quels ennuis! quelle vie errante!
Et quelle foule renaissante
D'adversaires et de combats!*

*Vous dont l'inimitié durable
L'accusa de ces chants affreux,
Qui méritaient, s'il fut coupable,
Un châtement plus rigoureux;
Dans le sanctuaire suprême,
Grâce à vos soins, par Thémis même
Son honneur est encore terni.
J'abandonne son innocence;
Que veut de plus votre vengeance?
Il fut malheureux et puni* [5, р. 239-240].

(Блистательной и скорбной жизни Руссо сбросил сегодня оковы, и далеко от неба отечества смерть преискала его невзгоды. Откуда источник его бед? Сколько цветов на его пути затоптано ходом несчастий! Какая тоска! Что за скитальческая жизнь! И сколько вдруг возродившихся недругов! Вы, чья долгая вражда его обвиняла в этих отвратительных песнях, достойных, если он был виновен, самой суровой кары, вы и теперь ещё в высшем святилище своими и самой Фемиды стараниями мараєте его честь. Я не обсуждаю его невиновность. Чего ещё нужно вашей мстительности? Он был наказан и был несчастен).

От конкретной судьбы Лефран де Помпиньян переходит к размышлениям о губительности злобы для того, кто её испытывает:

*Implacable dans ma colère,
Je m'applaudis de la misère
De mon ennemi terrassé;
Il se relève, je succombe,
Et moi-même à ses pieds je tombe
Frappé du trait que j'ai lancé [Ibidem, p. 240].*

(Непримиримый в гнев, я торжествую над несчастьем поверженного врага; он поднимается, я изнемогаю и сам валюсь к его ногам, поражённый своим же оружием).

Поэт говорит об уязвимости любого человека – и «монарха, и понтифика» – перед клеветой, о невозможности для современников по-настоящему оценить великого человека:

*Du sein des ombres éternelles
S'élevant au trône des Dieux,
L'envie offusque de ses ailes
Tout éclat qui frappe ses yeux.
Quel ministre, quel capitaine,
Quel monarque vaincra sa haine
Et les injustices du sort?
Le temps à peine les consomme;
Et jamais le prix du grand homme
N'est bien connu qu'après sa mort.*

*Oui, la mort seule nous délivre
Des ennemis de nos vertus,
Et notre gloire ne peut vivre
Que lorsque nous ne vivons plus.
Le chantre d'Ulisse et d'Achille,
Sans protecteur et sans asile,
Fut ignoré jusqu'au tombeau:
Il expire, le charme cesse,
Et tous les peuples de la Grèce
Entre eux disputent son berceau [Ibidem, p. 241].*

(От вечных теней доходя до трона Богов, зависть затмевает своими крыльями любое сияние, раздражающее её глаза. Какой министр, какой полководец, какой монарх победит её ненависть и несправедливость судьбы? Их с трудом истребляет и время; и всегда ценность великого человека становится явной только после его смерти. Да, только смерть нам открывает врагов наших добродетелей, и наша слава может существовать, когда нас уже нет в живых. Певец Улисса и Ахиллеса, без покровителя и без убежища, был неизвестен до могилы: он умирает, исчезают чары, и все народы Греции оспаривают друг у друга право на его колыбель).

Эта часть оды обоснованнее всего может быть названа философской, хотя сам автор, «ненавидевший философскую поэзию, философские речи – всё, что имеет отношение к философии» [3, p. 133], известный враждой с Академией и философами своего времени, включая Вольтера, вряд ли определил бы её так. Возможно, именно нелюбовь поэта к отвлечённым размышлениям придаёт его тексту неподдельное эмоциональное напряжение. У Лефрана де Помпиньяна мысль следует за чувством и предьявляется ровно в той мере, которая необходима для полноты выражения чувства. Автор оды не столько размышляет, сколько убеждает, укоряет, призывает.

Важнейшая для всей оды тема милосердия достигает пика развития в строфе, восхитившей, по свидетельству Лагарпа, самого Вольтера [6, p. 91]:

*Le Nil a vu sur ses rivages
De noirs habitans des déserts,
Insulter par leurs cris sauvages
L'astre éclatant de l'univers.
Cris impuissans! fureurs bizarres!
Tandis que ces monstres barbares
Poussaient d'insolentes clameurs,
Le Dieu poursuivant sa carrière,
Versait des torrens de lumière
Sur ses obscures blasphémateurs [5, p. 241].*

(Нил увидел на своих берегах чернокожих обитателей пустынь, оскорблявших своими дикими криками блистательную звезду мира. Бессильные крики! странная ярость! В то время как эти варварские чудовища исторгали дерзкую хулу, Бог, продолжая свой путь, изливал потоки света на невежественных богохульников).

Этот призыв к милосердию в отношении «проклинающих вас» (Лк. 6: 28) убедителен не только на сюжетном, но и на формальном уровне: аллитерация на «s» и «г» в трёх последних строках распространяет впечатление звуковой гармонии на всю строфу (именно потому, что содержится в заключительных строках). Эффект этого фонического приёма – чувственный эффект – основан на том, что всё, совершенное в том или ином роде, склоняет в свою пользу ещё до осмысления сути представленного явления.

Тема милосердия имеет у Лефрана де Помпигьяна и вполне конкретный в контексте времени смысловой оттенок, отливаясь в идею корпоративной уважительности литераторов друг к другу, несмотря на идейные расхождения, ибо жестокое отношение к ушедшему собрату недостойно звания поэта (самому де Помпигьяну, не принимавшему многое в интеллектуальной и духовной жизни эпохи, придётся испытать на себе коллективную травлю собратьев по перу). Эта позиция углубится через много лет до идеи ответственности писателей перед обществом за судьбу культуры. Выступая 10 марта 1760 года с оскандалившей его вступительной речью перед членами Академии, поэт так обозначил своё понимание миссии литературы и требований к ней: «Что может противостоять бесконечному потоку книг, содержащих развращающие произведения, несущих отпечаток морального разложения и заносчивых философских идей, равно подрывающих основы трона и алтаря? Литературное сообщество (un Corps Littéraire), которое неизменно упрочивает традиции хорошего вкуса, добрых нравов и уважения к религии...» [2, p. 8].

Собственно, эти «традиции добрых нравов» и находят искреннее, пылкое воплощение в оде на смерть Руссо. Значимость произведения убедительнее всего подтверждается его признанием со стороны недоброжелателей маркиза де Помпигьяна. В разных версиях известна упоминавшаяся уже восхищённая реакция на эту оду Вольтера, которому прочитали несколько строф, не называя автора. Услышав имя своего недруга, Вольтер опустил руки: «Что ж поделаешь! это прекрасно!» (Tant pis! c'est beau!) [3, p. 142].

В год своего появления знаменитая ода прошла незамеченной (Вольтеру прочитали её только в 1765 году). Это не было случайностью: индивидуализированный лиризм, с пленяющей убедительностью продемонстрированный Ж.-Ж. Лефраном де Помпигьяном, постепенно утверждается в поэзии Франции лишь в последней трети XVIII века. Но именно эта тенденция, обозначенная поздними произведениями А. Шенье и Э. Парни, оказалась наиболее продуктивной в поэтической истории столетия.

Список литературы

1. **Chabanon M.-P.-G. de.** Sur le sort de la poésie en ce siècle philosophe. P.: S. Jorry, 1764. 80 p.
2. **Discours prononcés à l'Académie française, le... 10 mars 1760, à la réception de M. Lefranc de Pompignan.** P.: N. Pichard, 1822. 36 p.
3. **Faguet É.** Histoire de la poésie française de la Renaissance au Romantisme: 11 vol. P.: Boivin, 1923-1936. T. IX: Les poètes secondaires du XVIII siècle (1750-1789). 328 p.
4. **Gence J.-B.-M.** Dieu et l'infini, ode, précédée d'un discours sur l'objet, le caractère et le plan de l'ode sacrée et philosophique, lue à la Société académique des sciences de Paris dans sa séance du 11 floréal an IX. P.: A. Le Clère, 1801. 20 p.
5. **Lefranc de Pompignan J.-J.** Ode sur la mort de J.-B. Rousseau // Oeuvres choisies de J.-B. Rousseau, suivies des meilleures odes de Malherbe, Le Franc et autres lyriques fameux. Lyon: Pelagaud et Lesne, 1841. P. 238-243.
6. **Sabatier R.** Histoire de la poésie française: 6 vol. P.: Albin Michel, 1975. T. 4: La poésie du XVIII-e siècle. 310 p.
7. **Sainte-Beuve C.-A.** Jean-Baptiste Rousseau // Portraits littéraires: 3 vol. P.: Garnier frères, 1862-1864. T. 1. P. 128-144.

“ODE ON THE DEATH OF J.-B. RUSSO” BY J.-J. LEFRANC DE POMPIGNAN IN THE CONTEXT OF GENRE PROCESSES IN POETRY OF THE XVIIITH CENTURY

Pinkovskii Vitalii Ivanovich, Doctor in Philology
North East State University
alennart@mail.ru

The author considers “Ode on the death of J.-B. Russo” by J.-J. Lefranc de Pompignan in connection with more chamber than odic lyricism ageing in the French poetry of the XVIIIth century, which transforms the canonical genre of ode (in particular, philosophical one), as well as the relations within the literary environment, and concludes that the author of the ode, despite continued attributing to the poets of the “second rank”, appears as the forerunner of the most significant shift in the French poetry development - more individualized lyrical creativity, anticipating the romantic era.

Key words and phrases: age of Enlightenment; philosophical ode; individualized lyricism; harmonious combination of thought and feeling.